

Одной фразы хватило, чтобы ветераны-театралы замерли в восторге и начали неистово аплодировать. Но было ли этого достаточно?

Очевидно, нет.

В зале не смолкали крики «Хао!», а на сцене дуэт вел себя максимально естественно.

Лю Цин подхватил реплику: — Именно так это и читается. Но в чем же загвоздка?

Ци Шэцзян пояснил: — В зачине Четвертого сына (Ян Сылана) нет проблем, если брать фразу отдельно. Но вдумайтесь в содержание: «Золотой колодец заперт под платаном». По этим словам мы понимаем, что на дворе осень.

Лю Цин кивнул: — Верно.

— А теперь послушайте, что поет следом принцесса Тецзин в своих четырех строках стиля сипи яобань — и всё летит в тартарары! — воскликнул Ци.

Он возвысил голос и запел. Роль принцессы Тецзин требует отточенного вокала, а стиль яобань (свободный ритм) — это проверка на прочность для любого артиста. Ритм здесь вольный, он следует за эмоциями текста, и актеру нужно глубоко понимать суть, чтобы не сбиться с темпа и не потерять гармонию.

Ци Шэцзян только что пел баритоном старого героя, но мгновенно перешел на фальцет, исполняя партию женщины:

— Расцвели пионы, розы полыхают, день весенний ярок, птицы распевают...

Как только он открыл рот, шквал аплодисментов накрыл зал!

Знатоки мгновенно узнали манеру: хотя Ци не назвал имени, он в точности копировал партнершу Мо Ганя, знаменитую актрису, игравшую в классической версии «Четвертого сына».

Его голос звучал округло, чисто и певуче. Это было не просто техничное пение — это было идеальное подражание. Даже те зрители, которые ничего не смыслили в опере и не понимали, кого именно он пародирует, видели: парень виртуозно меняет голоса, и это зрелище стоило того, чтобы кричать «Браво!».

Ци Шэцзян сорвал куш всего за пару строк.

В это время пользователи в прямом эфире сидели с открытыми ртами. После недавних споров в кругах сяньшэна многие были уверены, что вокал (люхо) — его слабое место. Но это выступление в пух и прах разнесло все предубеждения.

☐Черт возьми, кто пустил слух, что у Ци Шэцзяна плохая база?!☐

☐Вторая фраза — это же точная копия манеры Е Цинцин!! Один в один!!!☐

☐Мамочки, почему Джесси раньше не показывал, что он так умеет? Я прямо чувствую, как у некоторых "мэтров" сейчас опухают лица от пощечин...☐

☐Я в шоке. Шел послушать шутки про Чжан Юэ, а попал на шедевр...☐

□Тот, кто пришел ради шуток над Чжан Юэ — ты просто дьявол!□

□Хотите — верьте, хотите — нет, но у меня мурашки пошли, как только он запел!□

□Плюс один к мурашкам. Я не разбираюсь в опере, но даже глухой поймет, что это уровень.□

□У-у-у, наш Джесси лучший! Теперь мне еще сложнее: я просто хотела любить его за красивое личико, а он оказался гением.□

Зрители трансляции начали спешно записывать экран и рассылать видео друзьям.

□Смотрите скорее, Джесси в прямом эфире разносит всех в щепки!!□

□Ой, хочу я видеть лица тех стариков-комиков сейчас!□

***

А на сцене Ци Шэцзян продолжал свое шоу.

Восемьдесят лет назад он вырос в труппе пекинской оперы. Это было первое, чему он научился, и лишь когда его голос начал ломаться (даоцан), он перешел в сяньшэн.

В этом новом теле голос был прекрасен. Соединив свою старую школу и природный дар, Ци долго тренировался перед выступлением, чтобы достичь десятикратной точности.

— Послушайте сами: в один и тот же день у Четвертого сына — осень, а у принцессы — весна?

— Ого, и правда нескладно.

— В «Убийстве царя Ляо» тоже беда. Послушайте: «В реку забросили золотые сети, не уйдет рыбешка с крючка!»

— О, я тоже заметил!

— Вот именно: так сеть забросили или крючок?

Он снова запел голосом лаошэн, на этот раз имитируя мастера другой школы.

...

— И это еще не всё. В «Заставе из жемчужных штор» проблем еще больше.

— Послушайте, как Ли Кэюн поет в темпе люшуй: «Грохочут барабаны первый раз, святой муж берет меч и седлает коня! Грохочут барабаны второй раз, дух бодр и конь резв! Грохочут барабаны третий раз — голова врага Цай Яна падает к копытам!»

Это был старый стиль исполнения, ампуа «раскрашенного лица» (хуалянь).

Он использовал свой естественный голос, и от него повеяло такой мощью и гордостью, что зал замер.

***

Когда последний «болванчик» (панчлайн) сработал, Ци Шэцзян и Лю Цин вместе поклонились и покинули сцену. Аплодисменты не стихали.

Сяншэн бывает «боевым» — шумным, и «литературным» — спокойным. Сегодняшний номер Ци был именно литературным (вэньгэнь): в нем было много эрудиции и изящества. Здесь не было бурных потасовок, как в «Споре из-за мага», но атмосфера накалилась до предела.

Зрители, которые ждали провала или собирались поспать, были настолько ошарашены этим перевертышем, что не могли сдержать эмоций. Можно сказать, если бы сами мастера, которых он имитировал, вышли спеть, реакция не была бы такой бурной.

В сети поисковые запросы «Ци Шэцзян поет оперу» взлетели до небес. Трафик стриминга зашкаливал — люди ломались посмотреть хотя бы концовку.

Многие побежали в аккаунты тех самых «мэтров», что критиковали Ци, спрашивая: «Ну и что вы на это скажете?»

Те, увидев выступление, мгновенно сменили выражение лиц. Они и представить не могли, что этот «полукровка» прячет такие козыри! Молодой, а какая выдержка. Им же пришлось хуже всех: они использовали «плохой вокал» Ци как аргумент, чтобы казаться убедительнее, и торжествовали, когда фанаты им верили.

И вот — звонкая оплеуха на глазах у всей страны. Жаловаться некому.

Если бы Ци пел просто от себя, можно было бы придаться. Но он имитировал великих мастеров, причем делал это почти безупречно. Критиковать его сейчас — значит косвенно критиковать самих мэтров.

Что им оставалось? Только «прикинуться мертвыми». Они молчали, не отвечая на теги, и потихоньку чистили свои старые посты, оставляя лишь претензии о том, что у него нет официального наставника.

***

В это же время в старом пекинском дворике-сыхэюане.

— Не верю, я всё равно буду петь «дон-дон-дон».

— Хорошо, попробуйте.

— Дон-дон-дон, грохочут барабаны в первый раз... дон-я-дон-дон...

— Ну и что?

— Сбился на втором барабане.

...

— Посмотрите-ка, у Джесси, оказывается, отличная оперная база. Как аутентично поет! — Лю Цюаньхай держал смартфон, на экране которого шел стрим.

Мэн Цзиньюань рядом кивнул: — Вы еще не всё видели. Он умеет гораздо больше.

Они не пошли на концерт, так как сегодня был день рождения бабушки Мэна. Из-за болезни старик не принимал учеников, и только Лю Цюаньхай разрешили зайти на пару слов.

После короткой беседы старик сказал, что хочет прилечь. Лю Цюаньхай вздохнул, остался

дежурить у кровати вместе с Мэн Цзинъюанем и от скуки открыл трансляцию.

— Кто такой Джесси? — вдруг раздался голос дедушки Мэна.

— Ой, вы снова проснулись? Простите, я, наверное, громко включил... — Лю Цюаньхай засуетился и случайно выключил телефон.

— Ничего... — проговорил дедушка Мэн. — Сквозь сон услышал, как кто-то читает сяньшэн, и сразу полегчало.

Лю и Мэн переглянулись.

— Да, это парень один, Джесси. Сегодня выступает у Сыхэ. Хоть он и самоучка, но база у него железная. Мне кажется, в нем есть частичка вашего сценического обаяния.

Дедушка Мэн, вспоминая услышанный в полубреду фрагмент, пробормотал: — Похож...

Память, застывшая на десятилетия, ожила. В глубине души он чувствовал: парень похож не на него самого, а на его покойного старшего брата по школе — Ци Мэнчжоу, того самого, блиставшего в молодости. Многие номера он выучил именно с его слов.

Лю Цюаньхай, не заметив странной интонации, радостно подтвердил: — Вот видите, и я говорю — похож!

Старик выдохнул: — Хороший мальчик. Когда у меня будут силы, я бы хотел его увидеть.

Лю и Мэн замерли. Дедушка годами никого не принимал и не желал видеть молодежь. Те, кто сейчас рассуждал о Ци Шэцзяне в сети, и на порог бы к Мэнам не попали.

Они хотели расспросить еще, но старик уже тихо захрапел. Но спал он, кажется, спокойнее, чем обычно.

— Как только дедушке станет лучше, пусть даст наставление парню, — шепнул Мэн Цзинъюань.

***

На месте выступления.

Программа Чжоу Сыхэ подошла к концу. Зрители неистово аплодировали, не давая артистам уйти. Это означало «бис» (фаньчан).

Чжоу Сыхэ уже почти скрылся за кулисами, но шум в зале заставил его вернуться.

— Сегодня со мной выступали и мой ученик, и мой названный племянник. Давайте позовем их всех сюда. Я знаю, тут есть и их фанаты!

Все поняли, что речь о Ци Шэцзяне. Зал взревел от восторга.

— Итак, Джесси! Молодой артист сяньшэна и... бывший айдол, — пошутил Чжоу, вызвав смех.

Ци снова вышел и поклонился.

— Он и мой ученик Лю Цин блестяще исполнили «Критику оперы». Но я вижу, вам мало,

верно?

— Да!!

— Еще один номер!

Чжоу Сыхэ улыбнулся: — Мы слышали оперу. Но я знаю, что Джесси еще и прекрасно поет на барабане (дагу). Спой-ка нам что-нибудь!

В зале на секунду воцарилась тишина.

Дагу? Все ведь говорили, что его барабанное пение — «с душком», странное и фальшивое. Именно поэтому многие верили, что он плох в вокале.

Но после оперного триумфа зрители решили дать ему шанс и зааплодировали, хотя и начали перешептываться: «Как бы он не испортил всё впечатление сейчас».

Чжоу Сыхэ сделал это специально. Он был на стороне Мэн Цзинъюаня и хотел, чтобы Ци окончательно закрепил свой успех. Сам он не слышал Ци живьем, но доверял вкусу друга и знал инсайд: Ци — наследник жанра Цзыдишу.

Всё это была импровизация. Ци Шэцзян быстро сориентировался:

— Раз так, Лю Цин тоже отлично поет. Давайте исполним дуэтом.

Это был жест благодарности: раз Чжоу Сыхэ продвигает его, он «подтянет» его ученика, чтобы они разделили славу.

Лю Цин оторопел, но братья по школе вытолкнули его вперед под одобрительный гул зала.

В этот момент в Weibo снова активизировались «диванные эксперты». Один из них написал:

«Ци Шэцзян хочет нанести решающий удар, но он слишком торопится. Опера — это имитация, он справился. Но барабанное пение требует особого "вкуса". Все, кто слышал его "Зачем западный флигель", знают — он безбожно фальшивит. На фанатках это прокатит, но перед профи он опозорится. Публика Чжоу Сыхэ его просто освистает!»

Атмосфера в чате трансляции снова стала тревожной. Фанатки Джесси затаили дыхание. Никто не хочет видеть своего кумира осмеянным на сцене. Тем более, что многие молодые люди даже не знают, что это за жанр такой.

***

— Исполним для вас классику стиля Мэйхуа дагу — фрагмент «Искушение лютней». По две строчки на каждого, — объявил Ци Шэцзян.

Пока он договаривался с Лю Цином, музыканты начали настраивать струны.

— Эта история о том, как студент Сун Сюань отправился в столицу на экзамены и встретил в обители прекрасную монахиню Чэнь Мяочан. Между ними вспыхнули чувства... — Ци вкратце ввел зрителей в курс дела, чтобы даже новички поняли эмоции.

Закончив вступление, он откашлялся, оперся на стол и запел:

— Поздний март, щебет птиц и цветов аромат, пара уток плывет в пруду... А за прудом тем виден храм, где живет монахиня Чэнь Мяочан...

Один пожилой господин в первом ряду, привыкший к традиционным подмосткам, в изумлении воскликнул:

— Кто это сказал, что у этого малого барабан хуже оперы?! Это был чистейший, канонический стиль Мэйхуа!

Мелодия лилась роскошно, но с вниманием к деталям. Фирменные высокие ноты — открытые, полетные, полные чувств. Он уловил самую суть, саму душу барабанного пения!

<http://bllate.org/book/17028/1585677>